

Андрей Топорков

К 100-летию со дня выхода в свет книги В. Мансикки «Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen»¹

Мы плохо знаем историю русской фольклористики. Еще в большей степени это суждение справедливо по отношению к исследованиям русского фольклора, проведенным зарубежными учеными. Проблема не только в том, что эти труды остаются мало известными до тех пор, пока не будут переведены на русский язык, но и в том, что они выполнены подчас в рамках иных научных традиций, слабо соотносимых с отечественными.

И сама книга Вильо Мансикки (1884–1947), и ее последующее восприятие в этом смысле весьма характерны. Сочетание разносторонних интересов, владение многими языками и методиками разных научных дисциплин, одновременная связь с тремя научными традициями (финской, русской и немецкой), необыкновенная работоспособность и результативность — все это позволило автору сделать книгу «О русских заговорных формулах, преимущественно

Андрей Львович Топорков

Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН /
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва
atoporkov@mail.ru

---

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Финскую академию наук за предоставление возможности в течение месяца работать в Хельсинки и Турку (грант № 121844, 23.03.2007). Особая благодарность профессору Пекка Хакамиесу, который организовал эту поездку.

о заговорах от кровотечения и вывиха» уникальным явлением в гуманитарной науке начала XX в. [Mansikka 1909]¹.

Уже на протяжении 100 лет книга остается для западных ученых основным источником сведений не только о русских заговорах, но и в целом о русской религиозной культуре. Это обусловлено прежде всего чисто лингвистическими причинами: книга написана на немецком языке, который был главным языком науки в XIX — начале XX в., и поэтому вполне доступна для европейских исследователей. Тексты русских заговоров приводятся здесь в хорошем (и главное понятном) переводе на немецкий язык, чего не скажешь о самих оригинальных текстах, которые и для носителей русского языка содержат множество загадок. Однако секрет популярности книги вовсе не сводится к языку, на котором она опубликована. Попробуем объяснить этот феномен.

Биография Вильо Мансикки и его труды на русском языке

В. Мансикка родился в Выборге в купеческой семье; по-видимому, русский язык он знал с детства. В 1903 г. В. Мансикка окончил классический лицей г. Выборга; в 1905 г. — Гельсингфорский университет со степенью кандидата философии. Книга «О русских заговорных формулах» была подготовлена и защищена ученым как его докторская диссертация.

В предисловии к книге Мансикка отмечает, что ее написание стало возможным благодаря его двухлетнему пребыванию в России в качестве стипендиата Гельсингфорского университета (с. V). Как сообщает А.И. Алиева, «такую же стипендию он получил еще на 1910—1912 гг., а в 1913—1914 и 1916—1918 гг. был стипендиатом Розенберга» [Алиева 2005: 12]. С 1907 по 1918 гг. Мансикка подолгу живет в России; в этот же период он совершает поездки в Германию, Данию, Венгрию и Румынию, где также работает в архивах и библиотеках [Там же: 11].

До революционных событий 1917 г. и отделения Финляндии В. Мансикка публикуется параллельно в Гельсингфорсе, Москве и Санкт-Петербурге. В России он печатает статьи, рецензии, отчеты о диалектологических экспедициях в «Этнографическом обозрении», «Живой старине», «Известиях Отделения русского языка и словесности Российской академии наук», «Журнале Министерства народного просвещения», варшавском «Русском филологическом вестнике». В этих ра-

---

¹ Ссылки на данное издание далее приводятся в тексте в круглых скобках с указанием страницы.

ботах отражается широкая область интересов ученого: это русский фольклор (былины, заговоры, духовные стихи, религиозные легенды), древнерусская литература (агиография), диалектология (фонетика и морфология) [Мансикка 1907; 1908а; 1909б; 1909в; 1909г; 1910; 1912а; 1912б; 1912в; 1915а; 1915б]. Он рецензирует и реферирует для русского читателя новейшие труды финских фольклористов, в том числе «Указатель сказок» Антти Аарне и «Религию финских рун» Карла Крона [Мансикка 1908б; 1909а; 1916]. В свою очередь работы В. Мансикки и его книги своевременно рецензировались в русской научной периодике и получали в целом положительные оценки¹.

На протяжении 13 лет Мансикка издает одну за другой три книги о русском фольклоре, древнерусской литературе и религиозной культуре: помимо книги «О русских заговорных формулах» (1909) это книга о Житии Александра Невского [Мансикка 1913] и «Религия восточных славян» [Мансикка 1922]. Последняя книга была подготовлена на русском языке, но уже не смогла появиться в России в то время; автор перевел ее на немецкий и издал в знаменитой серии «FFC». Русский оригинал сохранился в архиве Мансикки и был издан в 2005 г. с обширным предисловием А.И. Алиевой и богатым справочным аппаратом, подготовленным В.Я. Петрухиным и С.М. Толстой [Мансикка 2005].

Первые работы В. Мансикки о заговорах были опубликованы на русском языке и непосредственно связаны с его работой над книгой. Это обширные рецензии на книгу А.В. Ветухова и собрание рукописных заговоров Н.Н. Виноградова. Параллельно с написанием книги В. Мансикка готовит также две статьи на русском языке, которые появляются в петербургской периодике: «Представители злого начала в русских заговорах» (1909) и «Представление о “море” в Голубиной книге» (1910). Эти статьи очень близки соответствующим фрагментам в книге 1909 г. В силу небольшого объема общая концепция В. Мансикки излагается в них лаконично, без приведения подробной аргументации. Статья «Представители злого начала в русских заговорах», опубликованная в популярном этнографическом издании, на многие десятилетия стала основным источником, по которому русскоязычный читатель имел возможность судить об идеях В. Мансикки.

¹ Е.Н. Елеонская отрецензировала в «Этнографическом обозрении» книгу В. Мансикки «О русских заговорных формулах» [Елеонская 1909а] и его статьи «Представители злого начала в русских заговорах» [Елеонская 1909б] и «Представление о “море” в Голубиной книге» [Елеонская 1910].

Мансикка как исследователь и собиратель заговорной традиции

В. Мансикка был одним из наиболее глубоких и увлеченных исследователей заговоров в европейской науке XX в. В этом отношении его можно поставить в один ряд с таким крупнейшим специалистом в этой области, как датчанин Фердинанд Орт. В. Мансикка изучал заговоры на протяжении нескольких десятилетий. Его первая статья о заговорах — развернутый отзыв «К изучению заговоров. (Заметка по поводу недавно появившейся книги А.В. Ветухова)» — появилась на русском языке в 1908 г., а книга о литовских заговорах — на немецком языке спустя более 20 лет [Mansikka 1929]. В архиве В. Мансикки сохранились черновые материалы об эстонских заговорах; по-видимому, он предполагал также написать о них работу. Помимо русских и литовских заговоров, которым он посвятил специальные монографии, Мансикка хорошо ориентировался в заговорных традициях финнов, эстонцев, немцев, датчан, шведов, норвежцев, румын, сербов, болгар, украинцев, белорусов, чехов, поляков.

В. Мансикка не только изучал заговоры, но и активно собирал их во время диалектологических экспедиций на Русский Север. В 1912 г. он публикует 81 заговор, записанный в Шенкурском уезде Архангельской губернии летом 1910 г. [Мансикка 1912в]. Однако наиболее плодотворной в этом отношении оказалась его поездка в Пудожский уезд Олонецкой губернии, состоявшаяся в 1914 г.; коллекция заговоров, включавшая 244 текста, появилась в печати в Праге в 1926 г. [Мансикка 1926]. Характерные черты этих публикаций: записи сделаны на диалекте; места записи указаны, но не приводятся имена, возраст, пол и другие сведения об исполнителях; тексты расположены по функциям; во вступительной статье приводятся краткие сведения о маршруте поездки и составе заговорной традиции.

Некоторый парадокс можно видеть в том, что свое основное исследование о заговорах Мансикка написал в молодости, когда ему было всего 25 лет; это произошло еще до того, как он начал записывать магические тексты в экспедициях на Русский Север. По всей вероятности, впоследствии опыт полевой работы и знакомство с новыми материалами привели ученого к новым наблюдениям, хотя они вряд ли поколебали его общие исследовательские позиции.

Наряду с русскими заговорными текстами В. Мансикка привлекает в своей книге украинские и белорусские. Основным источником белорусских заговоров для него служит сборник Е.Р. Романова. Украинские он извлекает из «Сборника мало-

русских заклинаний» П.С. Ефименко, «Киевской старины», «Записок Харьковского историко-филологического общества» и других украинских, русских и польских изданий. Ученый сумел найти много материала в различных губернских и епархиальных ведомостях, журнальной периодике XIX — начала XX в., краеведческих изданиях, специальных научных изданиях по этнографии, фольклору и диалектологии.

Помимо опубликованных источников Мансикка использовал также архивные материалы. Он успел поработать в основных архивных хранилищах двух российских столиц. В Санкт-Петербурге это архив Русского географического общества, архив Академии наук, Рукописный отдел Императорской Публичной библиотеки (ныне Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки), в Москве — Отдел рукописей Румянцевской библиотеки (ныне Отдел рукописей Российской государственной библиотеки), архив Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ныне хранится в архиве Музея антропологии и этнологии РАН), архив Синодальной библиотеки (ныне хранится в собрании Государственного исторического музея). Особенно много материала он извлек из Архива Русского географического общества; ссылки на заговоры, хранящиеся в этом собрании, встречаются на многих страницах его книги; отметим, что в полном объеме эти тексты до сих пор не напечатаны; это придает публикациям В. Мансикки, включенным в книгу, характер первоисточника.

Таким образом, Мансикка опирался в своей книге на широкую источниковую базу, которая для того времени имела практически исчерпывающий характер. Это выгодно отличает книгу финского ученого от многих работ нашего времени, написанных на основе нескольких больших собраний русских заговоров и не учитывающих иные публикации.

Исследование заговоров в России

В. Мансикка хорошо знал русскую традицию изучения заговоров. В историографической части своей книги он дает исчерпывающий обзор русской литературы, посвященной этой теме. В начале XX в. заговоры были популярной темой в русской науке. Им посвящены книги А.В. Ветухова, Н.Ф. Познанского, Е.Н. Елеонской. Многочисленные публикации следственных дел о колдовстве предпринимает Н.Я. Новомбергский, автор книги «Колдовство в Московской Руси XVII в.» (1906) и ряда других книг. В 1913 г. В.И. Срезневский публикует 67 текстов из Олонецкого сборника заговоров XVII в.; для этого издания,

по просьбе публикатора, В. Мансикка просмотрел включенные в Олонецкий сборник карельско-вепские тексты [Срезневский 1913].

Во второй половине XIX — начале XX в. плодотворно изучались также близкие заговорам неканонические молитвы. К этой теме обращались А.И. Алмазов, А.Н. Веселовский, В. Качановский, И.Д. Мансветов, И.Я. Порфирьев, М.И. Соколов, М.Н. Сперанский, Н.С. Тихонравов, В. Ягич, А.И. Яцимирский. Они опубликовали большое число апокрифических молитв из восточно-славянских, южно-славянских и византийских (греческих) рукописей, главным образом с XIII по XVII вв.; описали в целом традицию врачевальных молитв и молитв на разные случаи; восстановили историю ряда сюжетных типов: молитвы «Сисиниева типа», молитвы от нежита, «Сна Богородицы», апокрифической молитвы апостола Павла от укуса змеи и др.

Сильной стороной этой традиции было то, что история неканонических молитв изучалась в динамике, в процессе трансляции текстов в пространстве и времени. В отличие от мифологических, фольклористических и антропологических теорий, в которых происхождение заговоров объяснялось более или менее гипотетически, исследователи этого направления использовали верифицируемые методики изучения и критики текстов. Возведение славянских переводов к греческим оригиналам подтверждалось документально лингвистическими, текстологическими и историко-культурными аргументами.

Изданная в 1909 г. книга В. Мансикки превосходила по своему объему и значению все, что было написано до того времени о русских заговорах. Напомним, что до этого специально заговорам была посвящена только небольшая по объему книжка Н.В. Крушевского (1851–1887) [Крушевский 1876]. Двухтомный компендиум А.В. Ветухова имел эклектический характер и в большей степени представлял собой собрание текстов, чем их систематический анализ. Что касается таких выдающихся ученых, как А.Н. Веселовский и А.А. Потебня, то они обращались к заговорам неоднократно, однако специальных трудов на эту тему не оставили. Оценивая книгу в более широком контексте европейской фольклористики, можно отметить, что это была одна из первых монографий, посвященных сравнительному изучению европейских заговоров. Выгодным отличием книги от сопоставимых с ней по тематике исследований О. Эбермана и Р.Т. Христиансена [Christiansen 1914] было широкое привлечение русского и славянского материала.

Замысел книги и его воплощение

Можно наметить три основных импульса и источника книги В. Мансикки о русских заговорах: это, во-первых, труды К. Крона и его учеников и последователей о финских заговорах; во-вторых, сравнительное изучение заговоров в немецкой науке (прежде всего книга О. Эбермана о заговорах от кровотечения) и, в-третьих, русские исследования заговоров и апокрифических молитв (главным образом, работы А.Н. Веселовского, М.И. Соколова, А.И. Алмазова).

По-видимому, первоначально В. Мансикка обратился к изучению магической поэзии под влиянием своего учителя Карла Крона. В 1901 г. К. Крон опубликовал исследование о происхождении финских заговоров [Krohn 1901]; вслед за этим появились диссертации учеников К. Крона: «Исследования заговоров: слова для остановки крови, слова от железа» К. Левона (1904) и «Заговоры от змей в Западной Финляндии» И.В. Ювелиуса (1906). Параллельно с В. Мансиккой свои диссертации о финских лечебных заговорах готовили О.Й. Брумер и Ф.А. Хэстэско [Алиева 2005: 19].

В предисловии к книге Мансикка отмечает, что она задумывалась как исследование заговоров от кровотечения и вывихов («In dem Buch, das ursprünglich der Behandlung der Blut- und Verrenkungsregeln gewidmet werden sollte») (с. VI). Однако в процессе работы планы расширились: В. Мансикка включил в свое исследование главы, посвященные общим проблемам изучения заговорной традиции и ряду других функциональных типов заговоров (от детской бессонницы, от лихорадки и т.д.) (с. 33–168). На долю заговоров от кровотечения и вывиха осталась вторая часть книги, т.е. менее ее половины (с. 168–279). О такой последовательности работы говорит и само заглавие книги, которое как бы объединяет два разных названия: «О русских заговорных формулах» и «О русских заговорах от кровотечения и вывиха».

Можно предположить, что первоначальный план заключался в том, чтобы, взяв за основу классификацию германских заговоров от кровотечения и вывиха, предложенную О. Эберманом, подключить к исследованию русский и славянский материал, практически неизвестный на Западе, и воссоздать историю данных типов заговоров на обширной территории проживания германских и славянских народов. Эта идея была чрезвычайно плодотворна. Сопоставление германских и славянских традиций расширяло географию исследования, которое в этом случае охватывало значительную часть Западной, Северной, Центральной, Восточной и Южной Европы.

Метод О. Эбермана в самом общем виде заключается в следующем: выделяется определенный заговорный тип, которому присваивается условное название, приводятся наиболее ранние фиксации заговора и далее систематизируются параллели из разных германских традиций, демонстрирующие постепенное развитие и трансформацию исходного заговорного типа на протяжении столетий, а также его распространение в разных германоязычных странах.

При исследовании немецкой магической традиции О. Эберман установил 14 типов заговоров от ран, кровотечения и вывихов, которым были присвоены следующие условные наименования: «Der zweite Merseburger Zauberspruch», «Jordan-Segen», «Drei gute Brüder», «Longinus-Segen», «Sie quellen nicht», «Blut und Wasser», «Glückselige Wunde», «Sanguis mane in te», «Adams Blut», «Der Blutsegen von den drei Frauen», «Drei Blumen», «Ein Baum», «Der ungerechte Mann», «Scherzhafte Wundsegen» («Второй Мерзебургский заговор», «Иордан-молитва», «Три добрых брата», «Лонгин-молитва», «Они не текут», «Кровь и вода», «Счастливая рана», «Кровь, останься в тебе», «Кровь Адама», «Заговор о трех женщинах», «Три цветка», «Дерево», «Неправедный человек», «Шуточный заговор от раны») [Ebermann 1903]. Метод рассмотрения заговорных типов в той части книги В. Мансикки, где речь идет о заговорах от кровотечения и вывиха, очень близок методу О. Эбермана, хотя Мансикка, с одной стороны, подает свой материал не столь систематическим образом, а с другой — не забывая о своей главной идее, последовательно ищет параллели между содержанием заговоров и христианскими апокрифами. В. Мансикка частично использовал те же обозначения типов, что и О. Эберман, а частично вводил новые типы и обозначения.

В основу своего исследования В. Мансикка положил сравнительный метод. Использовал он также элементы историко-географического метода. Основной прием ученого заключался в сравнении текстов разных этноязыковых традиций (прежде всего славянских и германских), взятых в их реальных культурных контекстах, с учетом географического распространения и исторических трансформаций.

В названии книги говорится о «русских» заговорах, но Мансикка широко использовал также украинские и белорусские тексты и заговоры сербов, болгар, хорватов, поляков, чехов. Ученый привлекал для сравнения магические традиции неславянских народов Европы: немецкие, датские, шведские, норвежские, финские, румынские. В специальном приложении, посвященном влиянию русских заговоров на традиции финно-угорских народов России, Мансикка привлекает к рассмотрению карель-

ские, вепсские, мордовские, черемисские тексты. По масштабу охвата европейских традиций магического слова и широте привлечения сравнительных данных эта книга до сих пор не имеет себе равных ни в отечественной, ни в европейской традиции.

В. Мансикка отбирает для своего рассмотрения главным образом такие сюжеты и мотивы русских заговоров, которые, во-первых, имеют параллели в европейских традициях, и, во-вторых, связаны с христианским преданием. Представление о заговорах как об «обломках языческих молитв», которое развивалось в середине XIX в. в рамках мифологической школы, автору представляется ненаучным и архаическим, о чем он сам недвусмысленно высказывается (с. 8–12). Почти не касаясь ни ритуалов исполнения заговоров, ни их специфической поэтики и мифологии, Мансикка все свое внимание уделяет христианской символике заговоров и их миграциям в культурном пространстве христианской Европы. К сильным сторонам такого подхода можно отнести учет исторического развития и региональных особенностей заговоров, дифференцированное отношение к рукописным и устным традициям; к слабым — недостаточное внимание к фольклорной составляющей заговоров и их фольклорному окружению.

Мансикка уделил много внимания ареальному распространению заговоров: описал особенности заговорной традиции Русского Севера, выявил роль украинских и белорусских территорий как переходной зоны между западно-славянскими и восточно-славянскими, католическими и православными традициями; отметил особенности русских заговоров, записанных на Кавказе. В ряде случаев рассмотрение географии заговоров давало ему основания для суждений об их происхождении и направлении миграций.

Мансикка использует и устные, и рукописные заговоры, однако особое внимание он уделяет все же заговорам рукописным, а из последних — фиксациям в наиболее ранних источниках. В нескольких главах своей книги он характеризует бытование рукописных заговоров в разных социальных слоях общества (в частности, среди лиц духовного звания), выявляет роль монастырей и грамотных крестьян (и особенно старообрядцев и сектантов) в составлении и распространении заговоров, устанавливает особое значение апокрифов для формирования этой традиции. На основе сравнительно немногочисленных публикаций русских заговоров XVII–XVIII вв. Мансикка делает выводы о составе ранней заговорной традиции, которые в значительной степени подтвердились позднейшими находками заговоров в рукописях XV–XIX вв. в берестяных грамотах, на разного рода амулетах.

Опережая свое время, ученый исследует такие области, как крестьянское чтение и состав крестьянских библиотек, роль духовенства в формировании народной религиозности, значение старообрядческой книжности для становления низовой рукописной традиции и т.д. К наиболее интересным частям книги мы бы отнесли главы о заговорах с сюжетом встречи с нечистым духом, о русском чернокнижии XVII–XVIII вв., о зачине типа «Встану помолясь...» и его немецких параллелей, об образах моря и камня на море и их религиозной символике и др.

Собственно, наиболее важные выводы книги относятся даже не к самим заговорным текстам, а к более широким проблемам культурного взаимодействия в пространстве христианской Европы эпохи Средневековья и Нового времени. Эти выводы в книге никак не педалируются, но они чрезвычайно важны для современной медиевистики, истории культуры, истории религии и ряда других смежных дисциплин.

Книга важна для понимания таких концептов, как «бытовое христианство» (православие, католицизм, протестантизм), «двоеверие», «низовая рукописная традиция», «крестьянское чтение». В ней на конкретных примерах прослеживается, как трансформируются тексты высокой церковной культуры, становясь достоянием культуры околочерковной и простонародной. Впрочем, в соответствии с современными подходами правильнее будет видеть в этих процессах не просто искажение прототекстов, но создание особой, простонародной версии христианской доктрины, приспособленной к нуждам и интересам простого человека: крестьянина, пастуха, охотника и т.д.

В. Мансикка развивал идеи А.Н. Веселовского о судьбе христианского наследия и его роли в становлении русской культуры. Не случайно именно А.Н. Веселовскому В. Мансикка посвятил восхищенные строки в своем Введении (с. 21); ссылки на его работы (особенно на знаменитые «Разыскания в области русского духовного стиха») встречаются на многих страницах книги. Надо отметить, что эти идеи А.Н. Веселовского, практически невостребованные в течение советского периода, вновь зазвучали актуально в последние годы.

И сама книга В. Мансикки, и ее непростая читательская судьба содержат в себе некое предвестие и предупреждение: предвестие такого исследования русского фольклора, при котором он будет рассматриваться в широком контексте европейских традиций (с учетом их географического распространения и исторического развития), предупреждение против построения глобальных обобщающих концепций происхождения заговоров и «вчитывания» в тексты чуждых им смыслов.

И достоинства этой книги, и ее недостатки столь велики и наглядны, что ни те, ни другие не потеряли своей актуальности до нашего времени. Достаточно сравнить книгу с современными исследованиями, посвященными той же проблематике, чтобы увидеть: этот труд, опубликованный 100 лет назад, по широте привлекаемого сравнительного материала и глубине его исторического анализа не уступает работам современных исследователей, а в отдельных отношениях и превосходит их [Кляус 2000; Завьялова 2006].

Церковно-книжная традиция и фольклор

Исследование В. Мансикки было призвано доказать, что своим содержанием русские заговоры обязаны не фольклору, ритуалу, особенностям первобытной психологии или пережиточным языческим верованиям, а миру христианских образов и церковной словесности, иконографии и литургики. Соответственно и совпадение заговорных формул в разных концах Европы связано именно с общим христианским субстратом и наследием греко-римской античности.

Вопрос о роли христианской книжности и символики в формировании фольклора и в целом народной культуры до сих пор остается дискуссионным¹. Что касается заговоров, то они, наряду с духовными стихами, относятся к тем промежуточным образованиям, которые в силу своего параллельного функционирования в устных и рукописных регистрах словесности, с одной стороны, подвергаются влиянию церковно-книжной традиции, а с другой — подпитываются фольклором.

На наш взгляд, по отношению к сюжетам и мотивам рукописных заговоров вопрос в каждом конкретном случае должен решаться индивидуально: в духе не столько выбора между вариантами, сколько поиска разумного компромисса между ними, определения степени соотношения разнородных элементов, выявления их взаимодействия и характера трансформаций. В то же время среди устных заговоров имеется обширный пласт текстов, которые весьма слабо затронуты книжной традицией или вовсе ею не затронуты. Навязывать и этим текстам церковное происхождение и христианскую символику — напрасная трата времени.

Некоторая интрига заключается в том, что русскому читателю книга Мансикки известна главным образом по негативным отзывам в широко известной книге Н.Ф. Познанского. Надо

¹ Из работ последних лет см.: [Бернштам 2000; Страхов 2003].

признать, что Н.Ф. Познанский был прав, когда критиковал В. Мансикку за попытки сведения самых разных персонажей заговоров к Христу, Богородице и другим персонажам христианского предания. Сам Н.Ф. Познанский, как известно, последовательно выводил заговорные формулы из тех ритуалов, которые они, по его мнению, первоначально сопровождали. Концепция Н.Ф. Познанского имела не менее односторонний характер, чем концепция В. Мансикки, но это была совсем другая односторонность, во многом противоположная.

Н.Ф. Познанский не случайно выбрал для своего критического разбора фрагмент, посвященный заговорам от детской бессонницы [Познанский 1917: 52–53]. Это действительно одно из неудачных мест книги: увлечение предвзятой концепцией приводит исследователя к таким выводам, уязвимость которых видна даже читателю-неспециалисту. Кстати, этот фрагмент на русском языке включен в рецензию В. Мансикки на книгу А.В. Ветухова, так что с ним может познакомиться и читатель, не владеющий немецким языком [Мансикка 1908a].

Заговор, к которому обращается Мансикка, широко известен на Украине, у сербов, болгар и румын; наиболее ранняя его фиксация (в латинском пересказе) имеется в так называемом Каталоге магии Рудольфа (середина XIII в.), правда, этот текст остался В. Мансикке неизвестным. Ученые обращались к данному заговору и до книги «О русских заговорных формулах», и позднее (подборка соответствующих текстов имеется, в частности, в книге А.В. Ветухова, хорошо известной В. Мансикке [Ветухов 1905: 289–299]). В статье 1990 г., написанной в соавторстве с Т.А. Агапкиной, мы выдвинули гипотезу о том, что этот заговор восходит к праславянской эпохе; во всяком случае ничего специфически христианского он точно в себе не содержит [Агапкина, Топорков 1990] (см. также: [Агапкина 2006: 10–58]).

Н.Ф. Познанский верно подметил, что методика, применяемая в данном случае, напоминает подход мифологов, только «вывернутый наизнанку» [Познанский 1917: 3]. Если мифологи за разными персонажами и образами фольклора искали языческих богов, то Мансикка с таким же энтузиазмом искал за ними персонажей христианского предания. Общим было то, что исследователь не уделял внимания сюжету и внутренней логике нарратива, но выхватывал из текста отдельные элементы (дуб, заря и др.) и интерпретировал их вне контекста, как часть внеположенных тексту верований.

Интерпретации такого рода имеют свойство завораживать исследователей, однако они лишаются убедительности, как толь-

ко изымаются из авторской конструкции, поскольку слишком очевидно противоречат непосредственному восприятию текста. В самом деле, почему, например, читатель должен считать, что заря в заговоре непременно обозначает Богородицу? Чем такое понимание лучше отождествления зари с языческой богиней? Можно привести в качестве аргумента, подтверждающего первую интерпретацию, многочисленные свидетельства того, что в заговорах зарю называли именно Марией или сходным образом (Марина, Маремьяна), что в христианской символике Богородица отождествлялась с зарей или утренней звездой. Однако не менее убедительные аргументы можно выдвинуть и по поводу второй интерпретации: олицетворение зари встречается и в текстах, едва ли затронутых влиянием христианской символики, оно известно у разных народов, в том числе и нехристианских.

Проблема происхождения заговорных формул не сводится к альтернативе: «действительно ли они продукты творческой фантазии народа, истоки которой кроются в доисторической мгле, или духовные продукты начитанного ума» («ob sie wirklich Erzeugnisse der schöpferischen Phantasie des Volkes, deren Anfänge weit ins vorhistorische Dunkel reichen, oder Geistesprodukte eines belesen Kopfes sind») (с. 144). С одной стороны, фантазия ученых умов эпохи Средневековья подпитывалась мифологией, магией и фольклором, в том числе и в христианской оболочке. С другой — отнюдь не все в народном творчестве непременно восходит к глубокой древности. И христианская словесность, и словесность народная имели многовековую историю, на протяжении которой они неоднократно приходили во взаимодействие. Символические образы заговоров, как правило, имеют гетерогенный характер и соотношены с разными пластами словесности; отделить в них заимствованное от «своеобычного», книжное от фольклорного, христианское от не-христианского бывает довольно трудно.

Мансикка прав в том отношении, что канонические и неканонические молитвы могут функционировать наряду с фольклорными заговорами, подвергаясь сокращениям, искажениям и разного рода поновлениям. Прав он и в том, что по мере перехода текстов из среды грамотной в полуграмотную и даже вовсе не грамотную они могут обесмысливаться и искажаться до неузнаваемости. Однако для более объективного взгляда на предмет следует учесть два момента.

Во-первых, многие апокрифические молитвы связаны по своему происхождению не только с христианской книжностью, но и с фольклором, как правило, греко-византийским или славянским; истоки целого ряда текстов, рассматривае-

мых В. Мансиккой, восходят к древним традициям Ближнего Востока (заговоры от лихорадки «Сисиниева типа», заговоры от «нежита» и др.). Письменная традиция в этих случаях играла роль не столько первоисточника, сколько посредника между разными фольклорными традициями. Можно сказать, что эти тексты не «опускались» в фольклор, а «возвращались» в него, и это становилось возможным благодаря их сюжетности, занимательности, соответствию универсальным магическим структурам.

Во-вторых, наряду с процессом фольклоризации молитв существовал и процесс встречный — христианизации заговоров. Поэтому прежде чем приступать в поиску христианских прототекстов, протоперсонажей, протосюжетов и т.п., следовало бы убедиться, что тот или иной текст, привлеченный к рассмотрению, действительно восходит к книжной традиции, а не является фольклорным произведением, подвергшимся книжному влиянию.

Общая проблема изучения заговоров заключается в том, что большинство исследователей с середины XIX в. и вплоть до наших дней пытаются подобрать к заговорам один-единственный ключ, который должен открыть двери к познанию этого жанра. Однако заговоры — жанр гетерогенный, вобравший в себя разные исторические напластования, к тому же существует он на грани устной и письменной, магической и церковной культур, поэтому такая задача в принципе некорректна и невыполнима. Любой исследователь заговоров, претендующий на то, чтобы создать общую теорию жанра, основанную на едином принципе, при попытке распространить ее на весь корпус текстов неизбежно впадает в односторонность. Даже в самых интеллигентных руках такой ключ начинает выполнять функцию лома, с помощью которого вскрываются самые неподходящие для этой цели предметы. Такой опасности не избежали ни европейски образованный В. Мансикка, ни его критик Н.Ф. Познанский. И все же именно благодаря их трудам изучение русских заговоров продвинулось далеко вперед и в настоящее время представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся областей отечественной фольклористики.

Вместо заключения

К сожалению, у нас нет пока достоверных сведений о том, на каком именно языке была первоначально написана книга. Знакомство с рукописями В. Мансикки убеждает в том, что он владел русским языком в совершенстве и писал на нем

свободно и без ошибок. По-видимому, немецким языком он владел в меньшей степени (во всяком случае, в его немецких рукописях встречается правка стилистического и грамматического характера). В предисловии к книге В. Мансикка благодарит за помощь в чтении корректуры и переводе отдельных мест доктора П. Крайна из Йены, доктора Г. Шмидта и кандидата В. Салминена из Гельсингфорса. Это также дает основание думать, что книга была написана на каком-то другом языке, а лишь позднее переведена на немецкий. В принципе В. Мансикка мог написать ее на финском или русском языке.

В статьях и рецензиях В. Мансикки, появившихся в 1908–1909 гг., имеются многочисленные совпадения с текстом его книги. Напомним, что и последующую книгу о Житии Александра Невского Мансикка написал и опубликовал на русском языке, а третью книгу «Религия восточных славян» также написал по-русски, но в связи с невозможностью ее публикации в России потом перевел на немецкий язык. Все это в совокупности делает реальным предположение о том, что и книга 1909 г. могла быть написана именно по-русски.

Следует особо отметить, что Мансикка прекрасно владел русским литературным стилем: его русскоязычные статьи и рецензии написаны изящно и увлекательно. Вероятно, так была написана и книга 1909 г., что заставляет еще больше сожалеть об утрате ее рукописи.

После 1917 г. заговоры почти на 70 лет выпали из поля зрения русских ученых. Среди первых книг, переизданных в начале 1990-х гг., были труды Н.Ф. Познанского и Е.Н. Елеонской [Елеонская 1994]. Идея переиздания книги В. Мансикки на русском языке также витает в воздухе. Проблема заключается в том, что книга опубликована на немецком языке, но вполне возможно, что написал ее В. Мансикка сначала по-русски. В мае 2008 г. мы предприняли поиски в архивах Хельсинки, однако они лишь подтвердили, что ни в личном фонде В. Мансикки, хранящемся в Отделе рукописей Университетской (национальной) библиотеки г. Хельсинки, ни среди материалов ученого, хранящихся в архиве Финского литературного общества, нет рукописи этой книги. Впрочем, она еще может обнаружиться в каком-либо другом месте. Сын Вильо Мансикки архитектор Микко Мансиккой в личной беседе, состоявшейся в Хельсинки 15 мая 2008 г., посоветовал искать рукопись книги не только в Финляндии, но и в архивах Москвы и Праги. В случае если кому-либо из читателей «АФ» известно что-либо о судьбе этой рукописи, хотел бы попросить откликнуться и поделиться этими сведениями.

Библиография

- Агапкина Т.А.* Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте // Славянский и балканский фольклор: Семантика и прагматика текста. [Вып. 10]. М., 2006. С. 10–123.
- Агапкина Т.А., Топорков А.Л.* К реконструкции праславянских заговоров // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 68–75.
- Алиева А.И.* Судьба и труды академика В.Й. Мансикки (1884–1947) // Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М., 2005. С. 11–44.
- Бернштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и Опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000.
- Ветухов А.* Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. (Из истории мысли) // Русский филологический вестник. 1905. Т. 53. № 1/2. С. 289–299.
- Елеонская Е.Н.* [Рец. на книгу В. Мансикки «О русских заговорных формулах»] // Этнографическое обозрение. 1909а. № 1. С. 77–79.
- Елеонская Е.Н.* [Рец. на книгу В. Мансикки «Представители злого начала в русских заговорах»] // Этнографическое обозрение. 1909б. № 2/3. С. 226–228.
- Елеонская Е.Н.* [Рец. на книгу В. Мансикки «Представление о “море” в Голубиной книге»] // Этнографическое обозрение. 1910. № 1/2. С. 199.
- Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994.
- Завьялова М.В.* Балто-славянский заговорный текст: Лингвистический анализ и модель мира. М., 2006.
- Кляус В.Л.* Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. М., 2000.
- Крушевский Н.* Заговоры как вид русской народной поэзии. Варшава, 1876.
- Мансикка В.* Алеша Попович и Иван Годинович в Финляндии // Этнографическое обозрение. 1907. № 3. С. 28–41.
- Мансикка В.* К изучению заговоров. (Заметка по поводу недавно появившейся книги А.В. Ветухова) // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук. 1908а. Т. 13. Кн. 3/4. С. 371–383.
- Мансикка В.* [Рец. на кн.:] Antti Aarne. Vergleichende Märchenforschungen // Живая старина. 1908б. Вып. 4. С. 513–515.
- Мансикка В.* [Рец. на кн.:] K. Krohn. Kalevalan runojen historia. (История рун Калевалы) // Этнографическое обозрение. 1909а. Вып. 4. С. 108–119.

- Мансикка В.* Финские варианты к дуалистической легенде о сотворении мира // Этнографическое обозрение. 1909б. № 81/82. С. 170–172.
- Мансикка В.* Представители злого начала в русских заговорах // Живая старина. 1909в. Вып. 4. С. 3–30.
- Мансикка В.* [Рец. на кн.:] Н.Н. Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Журнал Министерства народного просвещения. 1909г. № 10. Критика и библиогр. С. 447–453.
- Мансикка В.* Представление о “море” в Голубиной книге // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 2. С. 275–283.
- Мансикка В.* О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ. // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук. 1912а. Т. 17. Кн. 2. С. 86–144.
- Мансикка В.* Говор Грязовецкого уезда Вологодской губернии // Русский филологический вестник. 1912б. Т. 68. № 4. С. 271–279.
- Мансикка В.* Заговоры Шенкурского уезда // Живая старина. 1912в. Вып. 1. С. 125–136.
- Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913 (Памятники древней письменности и искусства, т. 180).
- Мансикка В.* О говоре северо-западной части Пудожского уезда // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук. 1915а. Т. 19. Кн. 4. С. 143–173.
- Мансикка В.* Заметки о говоре Никольского уезда // Там же. 1915б. Т. 19. Кн. 4. С. 200–216.
- Мансикка В.* Из финской этнографической литературы // Живая старина. 1916. Вып. 2/3. С. 199–231.
- Мансикка В.* Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Sborník filologický. Vydává III Třída České Akademie věd a umění. Sv. 8. Č. 1. Praha, 1926. S. 185–233.
- Мансикка В.Й.* Религия восточных славян. М., 2005.
- Познанский Н.* Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1917 [репр. 1995].
- Срезневский В.И.* Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.
- Страхов А.Б.* Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge, Mass., 2003 (Palaeoslavica XI. Supplementum I).
- Christiansen R.Th.* Die Finnischen und Nordischen Varianten des Zweiten Merseburgerspruches: Eine vergleichende Studie. Hamina, 1914 (FFC, № 18).
- Ebermann O.* Blut- und Wundsegen in ihrer Entwicklung dargestellt. Berlin, 1903 (Palaestra, Bd. XXIV).

Krohn K. Wo und wann entstanden die finnischen Zauberlieder? // Finnisch-ugrische Forschungen. Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde. 1901. № 1. S. 52–72, 147–181.

Mansikka V.J. Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen. Helsinki, 1909 (Annales Academiae Acientiarum Fennicae. Ser. B. T. 1).

Mansikka V. Die Religion der Ostslaven. 1. Quellen. Helsinki, 1922 (FFC, № 43).

Mansikka V.J. Litauische Zaubersprüche. Helsinki, 1929 (FFC, № 87).